

— Как Цзянь Хуай чувствовал себя в последние дни?

Мэнь Чэнь сидел лицом к монитору, сплошь покрытому мелкими столбцами данных. Спрашивал ровно, не оборачиваясь.

Маленькая девочка в белом платьице примостилась рядом — очень милая. Она болтала ногами, оттолкнулась от пола, и кресло завертелось, увлекая за собой длинные волосы. Круглые щёки, большие миндальные глаза, прищуренные в улыбке.

— Кажется, настроение у брата Хуая заметно улучшилось, — сказала она, чуть склонив голову.
— Сам по себе он по-прежнему молчит, зато угощает меня конфетами и печеньем.

— Раньше он всегда был каменным, холодным. Сейчас тоже не улыбается, но... как-то мягче стал, что ли. Особенно когда рядом брат Шэн.

Мэнь Чэнь коротко хмыкнул.

Не отрываясь от мерцающего экрана, он лениво махнул рукой:

— Подойди, взгляни. Общий балл в этом анализе лечения по-прежнему невысокий, зато несколько показателей заметно поползли вверх.

Девочка спрыгнула с кресла и подбежала к столу. Упёрлась маленькими ладонями в поверхность, и в её широких глазах отразились строки кода, непонятного обычному человеку.

— Раньше брат Хуай слишком сильно сопротивлялся лечению. Но этот сеанс был длиннее, и траектория сновидческого мира в какой-то мере отразила перемены в его состоянии — насилия и крови стало куда меньше, всё сделалось спокойнее.

Она постучала пальцем по экрану:

— Вот этот узловый момент, этот, и ещё вот этот — его эмоции здесь тоже заметно менялись. В целом: уровень депрессии снизился, эмоциональные функции постепенно восстанавливаются.

Мэнь Чэнь потёр подбородок:

— Тогда, может, куй железо пока горячо — завтра снова открываем сеанс?

Девочка покачала головой:

— Нельзя.

Она хихикнула:

— Завтра брат Шэн наконец разберётся с накопившимися делами и хочет взять брата Хуая погулять. Он попросил меня уговорить брата Хуая, я уже пообещала.

— Вы собрались на прогулку? — За стёклами очков узкие лисьи глаза Мэнь Чэня сощурились, и сквозь них полыхнул острый блеск. — И даже не думаете согласовать это с лечащим врачом — то есть со мной?

Девочка распахнула глаза. Она схватила его большую руку обеими ладошками и принялась трясти.

— Доктор Мэнь, я разве не согласовываю с вами прямо сейчас? — попросила она сладким голосом. — Разрешите нам выйти — это ведь тоже идёт на пользу выздоровлению пациента.

Мэнь Чэнь невозмутимо смотрел на свою маленькую ассистентку.

— Одноклассница Се Додо, выйти погулять — можно, весь санаторий всё равно принадлежит Шэн Вэньяо. — Он сделал паузу. — Но чтобы не навредить состоянию пациента, будь добра передать Шэн Вэньяо: лечащий врач идёт с вами. Буду благодарен.

Се Додо дёрнула руку и отскочила.

— Брат Хуай расстраивается, едва вас видит. Пойдёте вы — он точно откажется. Откажется он — я тоже никуда не пойду.

Надув губы, она капризно протянула:

— Неужели вы не можете войти в положение — хотя бы ради того, что я в таком малолетнем возрасте на вас батрачу?

Мэнь Чэнь поправил золотую оправу и улыбнулся:

— Не-а.

— Фу!

Се Додо с топотом выбежала из комнаты.

Мэнь Чэнь тоже фыркнул — и пожал плечами. Откинувшись на спинку кресла, он сцепил руки на затылке.

— Целый огромный санаторий, один настоящий пациент, все остальные — притворяются. Меня не берут — прикажете тут плесенью покрываться?

Он пробормотал себе под нос:

— И потом... раз Цзянь Хуай впервые выходит на прогулку, рядом должен быть врач... разве нет...

— Цзянь Хуай.

Над палатой у Шэн Вэньяо был собственный кабинет, и в обычные дни он то и дело сновал между этажами без особой причины.

Сейчас он вкатил в коридор простую вешалку на колёсиках — на перекладине висело несколько комплектов одежды. Толкнул дверь в палату и вошёл.

Цзянь Хуай сидел на кровати всё ещё в больничной одежде, манжеты закатаны, и из-под них выглядывали бледные тонкие запястья. Услышав своё имя, он не поднял головы — лишь тихо отозвался.

Пальцы его скользили по чёрным волосам, рассыпанным поверх ладони. Се Додо свернулась клубочком у него на руках; услышав голос Шэн Вэньяо, она задрала мордашку — круглые глаза сощурились в улыбке, совсем как у котёнка — и пропела:

— Привет, брат Шэн. — Маленькие губки сложились в сладкую улыбку. — Брат Хуай мне волосы заплетает.

Шэн Вэньяо без лишних слов откатил вешалку к стене и привалился к ней, скрестив руки на груди. Рубашка обрисовывала плотную грудь.

Глаза у него были красивые — узкие и холодные. Длинные ресницы не завивались, а падали вниз прямыми тенями, чуть скрывая тяжёлый блеск под веками. Он смотрел на Цзянь Хуая — неотрывно, жадно, как ястреб на добычу, к которой давно точит когти, и не мог отвести взгляда даже на миг.

Цзянь Хуай, по всей видимости, только что вышел из душа. Влажные волосы облепили белые щёки, капли стекали по чёткой линии скулы и срывались с подбородка на изящную ключицу, прежде чем исчезнуть под воротом. Пальцы его были такими же, как всегда, — длинными, спокойными; даже сейчас, с розовой резинкой-бабочкой в руке, они казались безупречно красивыми. Чёрные волосы Додо лежали у него на ладони, скользили по тылу руки и тихо опадали.

В горле у Шэн Вэньяо пересохло. Он сглотнул, язык невольно провёл по зубам и прошёлся по нёбу — будто пробуя что-то, чего там не было.

Когда Цзянь Хуай закончил и завязал последний узелок, Шэн Вэньяо наконец разлепил губы. Голос вышел низким, чуть хрипловатым:

— Цзянь Хуай, я велел прислать тебе одежды. Посмотри, что наденешь.

Се Додо выпрыгнула из рук Цзянь Хуая и запрыгала на месте:

— Брат Хуай, переодевайся скорее, потом идём гулять!

Она придвинула к нему своё личико, и мягкие губы звонко чмокнули его в щёку. Невинные широкие глаза зажмурились от удовольствия — она, казалось, совершенно не чувствовала холодной волны, внезапно прокатившейся за её спиной. Она потянула Цзянь Хуая за руку, подняла с кровати и подвела к вешалке. Маленькие пальцы перебрали одежду, потом она вскинула личико:

— Брат Хуай, может, вот эту жёлтую толстовку? Она в тон моему платью.

Цзянь Хуаю было всё равно. Он не придавал значения тому, во что одеваться.

Он потянулся к вешалке, но раскалённая ладонь сомкнулась поверх его руки, и когда Цзянь Хуай поднял глаза, перед ним оказалось лицо Шэн Вэньяо — красивое до какой-то дерзкой неправильности, совсем близко. Чёрные глаза, чёрные волосы, но черты — глубокие, точёные, с отчётливым чужеземным привкусом.

Шэн Вэньяо потянул — и Цзянь Хуай оказался у него в объятиях.

Он прищурился и посмотрел, как Се Додо обиженно отступает в сторону, — и раздражение чуть отпустило. Он расслабился и уткнулся подбородком в плечо Цзянь Хуая, высокая переносица почуяла чистый запах геля для душа, тёплое дыхание коснулось белого уха.

— Носи что сам хочешь. Эту девчонку не слушай.

Он и сам не понимал, что на него нашло — препираться с ребёнком. Но Се Додо нарочно его дразнила, и злость всё-таки немного кольнула.

Тонкие губы Шэн Вэньяо в обычные дни казались холодными. Сейчас он осторожно потянулся через плечо и тихо, бережно коснулся ими щеки Цзянь Хуая.

Именно там, где только что была Се Додо.

Девочка закатила глаза и беззвучно одними губами адресовала Шэн Вэньяо: Самодовольный! Собственник!

Он словно почувствовал. Скосил взгляд, боковым зрением поймал её лицо.

Се Додо мгновенно вытянулась по струнке, зажала себе рот ладонью, потом помотала ею в воздухе — дескать, молчу, молчу — и склонила голову с послушной улыбкой. В душе бушевала буря недовольства, но при этом великом спонсоре ни звука.

Как вундеркинд, она числилась детским работником в научно-исследовательской компании Шэн Вэньяо.

Она участвовала в изучении психики Цзянь Хуая от начала и до сего дня. Она наблюдала, как он шёл — шаг за шагом — из безумия в оцепенение, из оцепенения в холодную отчуждённость, и как та отчуждённость понемногу таяла, превращаясь в нынешнего его.

Но сейчас она впервые оказалась так близко.

Дело Цзянь Хуая она перечитывала несчётное число раз, ночь за ночью, день за днём. Каждый раз что-то рвалось внутри. Каждый раз, когда она смотрела на это осунувшееся красивое лицо, что-то ещё немного смягчалось в её молодом сердце.

Она боялась — больше, чем кто-либо — снова увидеть его сломленным. Боялась, что он вернётся в то состояние, когда разум уже не удерживал ничего. Боялась крови от его же рук.

Она смотрела, как Шэн Вэньяо прижал его к своей груди. Как широкие тёплые ладони крепко сомкнулись вокруг белых тонких пальцев, переплели их и так застыли, обхватив руками его стан.

«Если ты и правда любишь его — не причиняй ему боли. Береги его всей своей жизнью.»

Цзянь Хуай был как фарфоровая кукла, которую когда-то разбили. Осколки собрали с величайшей тщательностью и склеили обратно — снаружи кажется целым, не придерёшься. Но не выдержит ни малейшего удара.

Се Додо долго смотрела на них двоих.

Потом подбежала и потянула Цзянь Хуая за штанину.

Взгляд его оставался привычно спокойным — но упав на её лицо, чуть потеплел, и в нём обозначилось что-то похожее на улыбку.

— Брат Хуай, — сказала она, склонив голову. — Додо хочет одеться с тобой в один цвет.

Цзянь Хуай ответил тихо:

— Хорошо.

Руки Шэн Вэньяо на миг сжались крепче, притянув его к себе. Тихий хмык — но возражать он не стал.

Все трое вышли в коридор, точь-в-точь как три жёлтых резиновых утёнка — одинаковые лимонно-жёлтые наряды, яркие до неприличия.

Цзянь Хуай в широкой жёлтой толстовке выглядел неожиданно по-мальчишески — холодная красота как будто чуть смягчилась. Медведь на груди смотрел вниз перевёрнутыми белыми глазами. Светло-голубые джинсы, белые кеды. В этом виде он ничем не отличался от старшеклассника. Шэн Вэньяо в точно такой же толстовке тоже растерял привычную острую зрелость — взлохмаченные волосы придавали ему что-то разбойничье. Се Додо в жёлтой юбочке висла на руке Цзянь Хуая и прыгала от счастья.

Едва они шагнули за порог, у стены обнаружился доктор Мэнь в белом халате. Он стоял, облокотившись на стену, линзы очков источали холод, а в плотно сжатых губах пряталась ухмылка. Он тихо спросил:

— Вы, случайно, ничего не... забыли?

Шэн Вэньяо — жёлтая толстовка, голубые джинсы, белые кеды, вылитый студент — уставился на доктора, перегородившего путь. Пальцы скользнули между пальцами Цзянь Хуая и крепко сомкнулись. Второй рукой он зарылся в свои взлохмаченные волосы, и взгляд из-под них стал острым и нетерпеливым.

— Что именно?

Мэнь Чэнь вытянул длинный указательный палец и обвёл им всех троих. Потом неторопливо развернул его к себе и постучал кончиком по собственному прямому носу.

— Меня.

<http://bllate.org/book/17462/1697319>